

МЕХАНИЗМЫ ХИЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ 1930-Х ГОДОВ**Е.В. Ногина, К.А. Ушмаева**

Аннотация. *Изучение теневого сектора советской экономики актуально и в сегодняшние дни. Оценка масштабов советской теневой экономики, размер и динамика черного рынка в условиях планово-распределительной экономики — это тот круг вопросов, которые вызывают особый интерес у исследователей советского периода. В работе на основе архивных документов Северокавказского края в 1930-е гг. показано, как в СССР, несмотря на формальный отказ от капитализма и борьбу с любыми его проявлениями, предпринимательство и рынок стали частью социалистической системы. Ограничение экономической свободы предприятий в период плановой экономики, неравномерность снабжения предприятий, отсутствие гибких прямых связей между поставщиками и потребителями стимулировали руководителями государственных предприятий заключать неконтролируемые властью бартерные сделки, с помощью которых подобные диспропорции преодолевались. Авторы прослеживают методы и формы хищений работников торговли и руководителей предприятий дефицитных ресурсов в условиях централизованного снабжения, механизмы обогащения и пути формирования подпольного ядра советских предпринимателей. Отсутствие в экономике СССР гибких законов саморегулирования на основе спроса и предложения приводило, в итоге, к росту коррупционных связей с руководящим звеном партийно-хозяйственного аппарата региона и республик.*

Ключевые слова: *черный рынок в СССР, теневая экономика в СССР, плановая экономика, хищения, дефицит товаров, коррупция.*

© Ногина Е.В., Ушмаева К.А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

MECHANISMS OF STEALING STATE PROPERTY IN A PLANNED ECONOMY OF THE 1930s

E.V. Nogina, K.A. Ushmaeva

Abstract. *The study of the shadow sector of the Soviet economy is still relevant today. The assessment of the scale of the Soviet shadow economy, the size and dynamics of the black market in the conditions of the planned and distributive economy is the range of issues that are of particular interest to researchers of the Soviet period. Based on the archival documents of the North Caucasus region in the 1930s, the article shows how in the USSR, despite the formal rejection of capitalism, entrepreneurship and the market became part of the socialist system. The restriction of economic freedom of enterprises during the planned economy, the unevenness of supply of enterprises, and the absence of flexible direct links between suppliers and consumers stimulated the managers of state enterprises to make barter deals uncontrolled by the authorities, which helped to overcome such disproportions. The authors trace the methods and forms of kidnapping the trade workers and managers of enterprises with scarce resources in conditions of centralized supply, enrichment mechanisms and ways of forming an underground nucleus of Soviet entrepreneurs. The lack of flexible self-regulation laws in the USSR economy on the basis of supply and demand eventually led to the growth of corrupt relations with the leadership of the party and economic apparatus of the region and republics.*

Keywords: *black market in the USSR, shadow economy in the USSR, planned economy, theft, shortage of goods, corruption.*

323

Среди ключевых проблем исторической науки важное место занимают вопросы, связанные с изучением экономической системы советского общества. Взрывной рост теневой экономики, превращение ее в устойчивый элемент экономической системы, тесное переплетение с легальной хозяйственной деятельностью оказался неожиданным последствием перехода России к капиталистической системе в 1990-е гг. В эпоху «перестройки» среди ученых различных направлений господствовало мнение, что теневая экономика — это порождение присущих советской

системе неэффективных методов хозяйствования и ограничения экономической свободы предпринимательской деятельности «снизу». Казалось, можно устранить дефекты советской экономической системы, перейти к рынку, легализовать отдельные формы предпринимательской деятельности, ввести частную собственность и масштабы теневой экономики будут сокращаться. По данным Росстата, который измерил скрытую часть экономической сферы, в современной России теневая экономика составляет в области сельского хозяйства 0,9% от ВВП, в

сфере торговли различными товарами – 1,4% ВВП, в области недвижимости (сдача в аренду и незаконный найм жилья) — 6,3% от ВВП, в строительстве государство ежегодно теряет денежные средства, эквивалентные 176 млрд руб. [1] Анализ возникновения и развития теневого сектора в советской системе, рассмотрение механизмов и функционирования теневых связей сможет стать опорной точкой для выработки современной программы противодействия коррупции и форм теневого бизнеса в нашей стране.

Цель данной публикации — показать на основе архивных документов механизмы хищений государственной собственности в условиях планово-распределительной экономики в Северокавказском крае (на сегодняшний день — Ставропольский край) в 1930-е годы. Большинство использованных источников в статье составляют фонды прокурорских проверок, статистические и информационные справки, материалы проверок торговых сетей и промышленных предприятий. Источники данной группы позволили собрать информацию о размахе частного предпринимательства в государственной промышленности и торговле края, о способах хищений и незаконных сделках, о количестве осужденных за экономические преступления.

Проблематика «теневой экономики» в СССР 1930-х гг. на сегодняшний день получила некоторое освещение в исследовательской литературе. Актуализация вопросов частного предпринимательства привела в начале 1990-х годов к бурным дискуссиям среди историков и экономистов по проблемам соотношения плана и рынка в советской хозяйствен-

ной системе, использования частного капитала, границ внедрения рыночных механизмов в командно-административной экономике. В работах преимущественно зарубежных ученых Г. Гроссмана [2], Ю. Хесслера [3], Я. Корнаи [4], Ш. Фицпатрик [5] Л. Холмс [6] Л.Ф. Мизес [7] затрагивались проблемы форм и масштабов теневой деятельности в СССР, причины товарного дефицита и неэффективности централизованного распределения. Существование черного рынка рассматривалось советологами как проявление скрытой многоукладности, ущербности советской экономической модели, ее неспособности вырабатывать приемлемые для всех участников хозяйственной жизни правила поведения. В трудах отечественных историков, среди которых следует выделить многочисленные труды Е. Осокиной [8–11], рассматривались проблемы централизованной системы распределения и снабжения населения в 1930-е годы. Большинство исследователей пришли к выводу, что развитие черного рынка и различных форм нелегального предпринимательства порождала экономика дефицита. Пытаясь выжить в условиях неравномерного снабжения, люди переходили к разнообразным формам теневого бизнеса. Сращивание партийно-государственного аппарата с теневыми «дельцами» черного рынка приводили к развитию масштабной коррупции в стране.

Важное место в предпринятом исследовании занимает проблема воздействия общества на командно-административную систему через различные формы подпольной экономической активности. До 1980-х

годов в исторической науке считалось, что масштабы теневой экономики в сталинский период были самыми низкими. Это объяснялось массовыми репрессиями, которые пресекали различные формы предпринимательства. Однако архивные источники исследуемого периода позволяют сделать вывод о наличии обширного теневого сектора в период сталинизма.

Репрессии против частных в городе и деревне в конце 1920-х годов привели к ликвидации частного сектора и резкому сокращению сельскохозяйственного производства. Развал в аграрном секторе и разрушение рынка стали причиной обострения продовольственного дефицита в стране. С 1928 г. города переживают глубокий продовольственный кризис. Аграрный Северокавказский регион, попавший в низший список снабжения, испытывал острую нехватку в продовольственных и промышленных товарах. В 1932 г. недогруз торговой сети края по продовольственной группе составлял 46,4%, промышленной — 64,5%. Потребительский спрос на муку, крупы удовлетворялся всеми торговыми организациями края лишь на 10% [12].

Широко развитый дефицит продуктов народного потребления закономерно приводил к созданию подпольного рынка товаров и услуг. Работники торговли, руководители предприятий, колхозов, совхозов, имевшие доступ к дефицитным ресурсам, придумали хитроумные комбинации хищений, направленных на личное обогащение. Одним из методов получения нелегальной прибыли работников государственной торговой сети стало самовольное за-

вышение цен на товары. Например, в магазине Невинномыского горта по накладной часики-ходики стоили 5 руб. 83 коп., а продавались за 7 руб. 28 коп. На костяных пуговицах указывалась цена 8 руб. 50 коп., а они продавались за 18 руб. 50 коп. Отсутствие вывешенных прейскурантов на товары позволяло взвинчивать цены на дефицитные продукты от 50 коп. до 10 руб. Так, в Пятигорском бакалейном магазине чайную колбасу продавали за 10 руб. вместо установленной цены в 9 руб. 60 коп., украинскую колбасу за 12 руб. вместо 10 руб. за 1 кг. Другим методом извлечения прибыли, практиковавшимся во всех государственных магазинах и ларьках, стало массовое обсчитывание и обвешивание покупателей. В Дагестанском Горпо шла настоящая спекуляция колбасными изделиями. На каждом килограмме колбасы с потребителя шел перебор на 8 руб. В ларьках и магазинах курортной торговой сети под предлогом отсутствия сдачи торговые работники недодавали покупателю 3–5 коп. Продавцы курортснабторга систематически занимались обвешиванием населения при продаже рыбы. При отпуске 500 грамм сельди веса давали обвес на 50 грамм, при продаже печенья недовес составлял 43 грамма. Проведенная проверка весов в торговой сети г. Ессентуки показала, что из 182 весовых единиц были неисправленными 88 или 48%. В г. Пятигорске из общего количества весоприборов, находившихся в Горпо № 34, неисправленными были все 26. При взвешивании груза в 10 кг веса давали сбой в 1 кг [13].

На черном рынке наибольшие возможности для обогащения полу-

чали те, кто имел доступ к дефицитным товарам, то есть работал в государственной торговле. Здесь выгодные должности продавались за взятки. Близость к торговле создавало особое социальное положение. Люди стремились завести знакомства в среде торговых работников. Блат — система личных связей, основанная на обмене услугами, оставался средством «добывания» необходимых товаров и продуктов для одних и средством обогащения для других. Чем больше дефицитных товаров присылали в магазин, тем больше на нем можно было заработать. Работники торговли, директора магазинов, заведующие отделами, создавали систему искусственного дефицита. Одновременно осуществлялось сращивание с органами милиции, краевыми распределительными базами и союзными снабженческими организациями.

Пути скрытия товаров были самые разнообразные. Один из них — продажа товара из-под прилавка, по знакомству. Поступавшие с баз дефицитные товары зачастую даже не попадали на полки магазинов, а реализовывались заведующими отделов и администрацией по собственному усмотрению. Так, поступивший в закрытый распределитель г. Георгиевска дефицитный трикотаж: рейтузы, комбинации, сорочки прятался работниками прилавка под стойку, а спустя некоторое время реализовывался по блату. Две сорочки получил работник спецсектора, 3 — директор базы, 6 — секретарь парткома Крайторга и т. д. [14] На витринах приемных пунктов индивидуального пошива Пятигорской, Грозненской, Орджоникидзевской швейной фабрики ассортимент

тканей для заказчиков одежды и обуви демонстрировался в ограниченном количестве и плохого качества. Ткани хорошего качества, разных цветов и в большом ассортименте находились под прилавком и предлагались исключительно по знакомству.

Другие пути извлечения прибыли граничили с изобретательным воровством и хищениями работников магазинов, торговых баз и складов. Проведенная в 1935 г. проверка Северо-Кавказского Горта выявила крупные хищения, совершенные работниками базы. Хищения осуществлялись путем составления фиктивных актов на недостачу товаров, получаемых от поставщиков. Только за 1934 г. под прикрытием формулировки в коммерческих актах «недоложено товара» было разворовано продукции на сумму 58 677 рублей. Похищенные 6 ящиков обуви, 316 пар галош, 7 плюшевых пальто, 488 кусков хозяйственного мыла и хлопчатобумажные изделия впоследствии были обнаружены в Грозненской и Георгиевской сети Горта, куда они передавались для реализации без счетов и накладных. Существование семейственности и круговой поруки облегчало работникам базы осуществление подлога и воровство товаров. Для сбыта похищенной продукции нередко использовалась государственная торговая сеть — небольшие магазины горта или торговые ларьки, которые имелись на окраинах города. В этих магазинах не осуществлялся складской учет, что в значительной степени облегчало бесконтрольный сбыт дефицитных товаров. Организованные хищения товаров с баз не были единичными случаями по краю, а

носили массовый характер. В 1934 г. комиссией советского и партийного контроля была произведена проверка баз и магазинов Северокавказского Курортснабторга г. Пятигорска и Кисловодска. Проверкой были вскрыты крупные злоупотребления и хозяйственные преступления работников Пятигорской базы и магазинной сети. За 4 месяца 1934 г. заведующий краевой торговой базы Белянов, кладовщик Плаксин и Леваков похитили продовольственных и промышленных товаров по продажным, прейскурантным ценам на сумму 63 тыс. рублей. В Пятигорских и Кисловодских магазинах работниками прилавка было похищено товаров на 21 тыс. руб. Ревизионной комиссией было установлено, что хищения работников магазинной сети производились под непосредственным руководством Белянова [15].

Схема хищений была достаточно простой. Как и в первом случае, похищенные товары покрывали складскими актами на недополучения продукции от поставщиков. Таким образом, тремя актами за 1934 г. была списана недостача 133,5 кг растительного масла, 210 бутылок вина, 240 кг кондитерских изделий и 182 кг картофельной муки. В случае установления в магазинах недостачи продуктов, отпущенных по накладным, работники базы увеличивали поставки товаров другого ассортимента, выписывая фиктивные фактуры. Например, по фактуре был выписан мармелад, сахар, крупа, картофель, а в реальности в магазин поступило в большом количестве только одно печенье. Покрытие недостач производилось за счет ско-

пившихся на базе нерасхищенных излишков по другим товарам.

Другим способом покрытия недостач было повышение работниками базы отпускных цен на товары. Так, кладовщик Плаксин перекрывал недостачу обуви на 1,1 тыс. руб. за счет отпуска низших сортов обуви по ценам высших сортов. Кладовщик Левашов отпускал колбасные изделия по цене 10 руб. 31 коп. за 1 кг вместо 5 руб. 60 коп. Находившиеся товары на базе расхищались также вскрытием фабричной упаковки и изъятием из середины ящиков пачек печенья, мыла, конфет и других продуктов. Вскрытые ящики затем вновь восстанавливались и направлялись в торговую сеть, а похищенные товары реализовывались через лари Курортснабторга. О хозяйственных преступлениях, творившихся на базе, знало все руководство Курортснаба. Однако никаких мер для предотвращения хищений и воровства работников базы со стороны администрации Курортснабторга не предпринималось. Более того, администрация встала на путь защиты виновных, покрывая их преступления. В частности, было вынесено решение даже о выдаче выходного пособия и трудовых книжек заведующему базы и конторщикам для их поступления на работу в другое учреждение [16].

Крупные хищения государственных средств, материальных ценностей, продуктов питания были обнаружены в ходе обследования Кисловодского Кавминторга в 1937 г. На винном разливе минераловодской торговой сети органами НКВД была вскрыта преступная хозяйственная деятельность целой группы лиц, злоупотреблявших своим служебным

положением. Группа сотрудников, состоявшая на протяжении трех лет из 19 человек, похищала со складов Кавминторга вина, дефицитные материалы и другие продукты. Ущерб, нанесенный государству кавминторговскими работниками в результате систематических растрат и хищений, составил только за 1937 г. свыше 134 тыс. рублей. В целом за 1933–36 гг. в торговой сети Северо-Кавказского края растраты и хищения составили свыше 10 млн рублей. Только за первую половину 1934 г. за спекуляцию по 107 статье УК было осуждено около 30 тыс. чел., по 162 статье УК за растраты и хищения к различным срокам заключения было приговорено свыше 20 тыс. человек [17].

Крайпрокуратура и органы НКВД держали под контролем государственную торговую сеть. В 1935 г. за ряд крупных хозяйственных преступлений были привлечены к уголовной ответственности руководители краевой базы Северо-Кавказского Горта и Крайпотребсоюза, арестован и приговорен к расстрелу директор Невинномыского Горта, проведены показательные судебные процессы над торговыми работниками, расхищавшими социалистическую собственность. За хищения в крупных размерах трое работников Крайпотребсоюза были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, замененному впоследствии 10 годами исправительно-трудовых лагерей [18].

Вместе с тем комиссией советского контроля в ходе обследования нарсудов низшего уровня неоднократно отмечалось, что в практике правосудия края имеет место либеральный подход при рассмотрении

дел, связанных со спекуляцией, растратами и хищениями. Из 60 уголовных дел, возникших с 1932–1934 г. по растратам в торговой сети краевого ОРСА на сумму 164 802 руб., ни по одному из них следствие закончено не было. Подавляющее число дел по растратам «мариновалось» в следственных органах и прокуратуре. Из 77 дел по растратам, переданных в 1935 г. судебным следственным органам, решение суда имелось только по 21 делу. Большинство растратчиков оставалось не только безнаказанными, но и продолжали работать в торговой сети, занимая ответственные должности. Например, завмаг Орджоникидзевского Горта Р., член ВКП (б), после обнаружившейся растраты в 1934 г. сбежал из города, а затем вновь поступил на работу в торговую сеть, где инсценировал ограбление своего магазина с целью сокрытия образовавшейся новой растраты на сумму 12 776 рублей. Директор Нальчинского Горта Э., имея поддержку в обкоме партии и облисполкоме, систематически совершал воровство товаров и растраты, однако прокуратура никаких мер к его задержанию не принимала [19].

Народные суды Александровского, Петровского, Благодарненского района при росте растрат и хищений в сети потребкооперации виновных к ответственности не привлекали. Так, в потребкооперации Александровского района при 100 случаях мелких хищений за 1935 г. был осужден всего 1 человек. В Благодарненском районе из 106 открытых дел за мелкие растраты и хищения было осуждено 292 человека, из них лишь 21,8% получили сроки от 6 месяцев до 2-х лет. Прокуратура и суды, бо-

рять со спекуляцией и считая ее злом в советском обществе, в то же самое время отказывались привлекать к ответственности мелких спекулянтов. Так, по Благодарненскому району за 1935–36 г. было возбуждено всего 30 уголовных дел за спекуляцию, из них только 3 человека подверглись лишению свободы сроком на 3 месяца, остальным в качестве профилактической меры вынесли общественное порицание. Прокурор района вообще не собирался сажать в тюрьму человека, вся вина которого состояла в том, что он зарезал двух коров и продал мясо или производил обмен собственного скота на другие товары.

Мягкие приговоры выносились нарсудами и в отношении лиц, осуществлявших мелкие хищения «социалистической собственности». Во второй половине 1935 г. всего по краю за хищения соцсобственности было приговорено к исправительно-трудовым работам 450 человек (50%), из них 193 человека получили срок до 6 месяцев, 215 человек (47%), привлеченных к ответственности, понесли наказания, не связанные с лишением свободы [20].

В экономике товарного дефицита и огромного спроса населения на потребительские товары, ограничение предпринимательства не уничтожило рынок, а загоняло его в подполье. Отсутствие экономической свободы в условиях жесткого централизованного планирования приводило к бурному развитию теневых отношений между промышленными предприятиями, совхозами, колхозами, учреждениями и отдельными лицами. Составляющими чертами подпольных отношений, складывавшихся на

уровне предприятий, были неплановые и даже нелегальные обмены продукцией и товарами, зачастую граничившие с откровенным разбазариванием государственных фондовых материалов. Так, дирекция обувной фабрики в г. Грозном только за сентябрь 1934 г. выдала около 100 пар обуви по запискам разным сельскохозяйственным организациям в обмен на продукты: рыбу, молоко, помидоры. По незаконным ордерам в количестве 10 459 штук обувь получи райком ВКП(б), Горпо, Техснаб-грузнефть за отпуск фабрике лесоматериалов. В обмен на сало директору грозненского мясокомбината на фабрике были сшиты сапоги и подарено несколько пар обуви [21].

Прямой товарообмен, бартерные сделки развивались и на Грозненской швейной фабрике. Ордера на пошивку одежды и обуви выдавались лицам за взаимные услуги и по знакомству. Таким образом, в сентябре 1934 г. было выдано 5 ордеров директору мясокомбината Самохи-ну, 6 ордеров директору обувной фабрики Арьеву, сшито дамское пальто гр. Чернобровской и т. д. Широко практиковался и метод нелегального производства товаров через рабочие артели. В счет наряда на отпуск кожи промкооперации, занимавшейся ремонтом обуви, управляющий Крайконторой Союзкожснаба Э. отпустил артели им. Ильича 6 703 дцм кожи шеврет для пошивки кожаных пальто в количестве 10 штук. Пальто были пошиты по списку, в который вошли работники промкооперации и Крайснаба [22].

Существовавшие с 1930-х годов артели по производству потребительских товаров были местами, в которых

осуществлялся подпольный бизнес. Артели не получали фондируемое сырье от государства, а должны были работать на отходах. Малые масштабы производственной деятельности создавали обстановку, в которой, с одной стороны, легко было нелегально производить товары, не привлекая к себе внимание, с другой, возникала проблема поиска поставщиков необходимого сырья. В Северо-Кавказском регионе, где производительные артели и ремесленные мастерские составляли почти 46% от промышленного сектора, нелегальное производство дефицитных товаров приняло огромные размеры. Причем поставщиками дефицитного сырья нередко были и сами предприятия-изготовители, у которых образовывались избыточные ресурсы. Изготовленная подпольная продукция в условиях артели поступала на рынок, но деньги, и порой немалые, шли на счета «хозяйственных воротил».

Прямой товарообмен между предприятиями и организациями происходил и по продовольственной линии. Фрукты, овощи, мясо, в которых нуждались рабочие и сотрудники промышленных предприятий обменивались на металл, строительные материалы, одежду, обувь, то есть на то, в чем испытывали острую нужду заготовительные организации и колхозы. Искусство участников теневой советской экономической системы заключалось в том, чтобы обменять имеющиеся у них фондовые излишки материалов на недостающие товары. Так, Дербендский консервный завод без наряда, путем бартерной сделки отпустил Пятигорскому Горту 1802 кг груш, 3030 кг помидор, Харьковскому механическому комбинату 7

тонн винограда в счет расчета с заводом обувью, шпагатом, электропринадлежностями и другими промышленными товарами.

Горизонтальные связи между предприятиями, включая нелегальные обмены, во всю процветали в заготовительном секторе. Операции по прямому товарообмену во всех случаях протекали однотипно. Например, контора Сталинуголь отпускала Дагсельхозснабу уголь и лесоматериалы на сумму 23 133 руб., взамен чего получала 132 ящика стекла, свежих яблок, сухофруктов и орехов, которые направлялись в Киевскую область в адрес своего заготовителя для свободной реализации. Вырученные суммы от продажи продукции поступали на счета организаций, входивших в систему Сталинуголь, и присваивались руководящим звеном предприятий. На заводе «Красный Молот» проверкой НКВД были вскрыты факты внепланового расходования цветного металла путем передачи и продажи сырья другим предприятиям и учреждениям. За 9 месяцев 1934 г. завод нелегально продал 1 653 кг цветных металлов управлению Северокавказскими железными дорогами, обкому партии, совхозам. Пытаясь скрыть недостачу и внеплановый перерасход сырья, дирекция завода осуществляла закупку цветного металла у частных лиц по спекулятивным ценам черного рынка. В марте 1934 г. на склад завода от частных поступило 12 кг (83%) баббита по цене 18 рублей за 1 кг. Наряду с нелегальной продажей сырья различным организациям, инвентаризацией было выявлено открытое расхищение металла со складов завода. В хищениях сырья

участвовали: директор завода, начальник отдела снабжения и заведующий складом. Данной группой руководящих работников было похищено только за 1934 г. 7 966 кг красной меди, олова и бронзы. В цехах завода, в связи с отсутствием контроля за расходованием цветных металлов, ревизионной комиссией был установлен факт перерасхода материалов на 34,2 тонны против допустимой нормы. Перерасход образовался вследствие нерационального использования сырья, которое на 40–50% переводилось на стружку.

Аналогичная ситуация по промышленной группе цветных металлов складывалась в Техснабе «Грознефти». По телефонным распоряжениям и нелегальным сделкам было продано со складов Техснаба 8 179 кг красной меди, баббита, свинца, олова заводу Красный труд, Красный Октябрь, Хлопкосовхозу, деревообрабатывающему комбинату и Ярославскому заводу «Свободный труд» [там же].

Именно ограничение экономической свободы предприятий превращало огромную часть рыночных отношений в незаконные, подпольные. Отсутствие гибких прямых связей между поставщиками и потребителями, неравномерность материально-технического снабжения, порожденная плановым распределением, приводили к диспропорциям в отраслях народного хозяйства. На одних предприятиях не хватало отдельных ресурсов, на других имелся переизбыток в них. Необходимость выполнения производственных планов толкала руководителей предприятий заключать неконтролируемые «сверху» бартерные сделки, с помо-

щью которых подобные диспропорции преодолевались. Так возникали длинные цепи натурального обмена между предприятиями и организациями. Перераспределение товарных фондов на уровне горизонтальных связей являлись, с одной стороны, производными рыночных механизмов хозяйствования, оживлявшими неэффективную плановую экономику, с другой, приводили к росту коррупционных связей с руководящим звеном партийно-хозяйственного аппарата региона и республик. Под покровом черного рынка непременно атрибутами в хозяйственной деятельности участников теневых сделок становились взятки, личные связи, система кумовства и круговая порука. Руководители предприятий были тесно связаны с функционерами властно-бюрократической иерархии. Во-первых, в руках последних были сосредоточены государственные материальные и финансовые ресурсы, а во-вторых, особое покровительство должностных лиц региональной партийной власти, государственных хозяйственных органов позволяло дельцам теневой экономики совершать разнообразные операции с дефицитными ресурсами, создавать на предприятиях резервы неучтенного сырья, которые нередко использовались и в целях личного обогащения. Механизмы создания дополнительных ресурсов граничили не только с прямым расхищением и воровством государственной продукции, но и составлением поддельных актов о списании сырья, умышленного искажения отчетности, формального проведения инвентаризации, производства неучтенных товаров и сбыт последних через торговую сеть

горторга. Анализ фактов показывает, что все функциональные звенья хозяйственной преступности возникали и развивались в условиях административно-плановой экономики, громоздких форм обмена между товаропроизводителями, неформального перераспределения ресурсов между предприятиями.

Мелкое воровство, хищения, мешочничество играли важную роль в самоснабжении населения. Однако в арсенале методов выживания присутствовали и стратегии, связанные с дополнительным производством и приобретением товаров с целью получения значительной прибыли. Но-

вое ядро частных предпринимателей формировалось не в кустарных мастерских и не в лжекооперативах, а на государственных предприятиях и в торговле. В отличие от предпринимателей 1920-х годов, которые стремились как можно дольше сохранять самостоятельность от командно-административной системы, дельцы теневой экономики нового типа, наоборот, стремились слиться с системой, занять в ней ключевые позиции и использовать ее ресурсы в своих интересах. Подобные жизненные установки способствовали формированию и новой системы ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теневая экономика по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika/#i> (дата обращения: 29.10.2020).
2. *Hessler, J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004. 366 p.
3. *Grossman, G.* The “Second Economy” of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Sept. Oct. P. 25–40.
4. *Корнаи, Я.* Дефицит: [пер. с венг.]. М.: Наука, 1990. 607 с.: ил.
5. *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М.: «Росспэн», 2001. 336 с.
6. *Холмс, Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону: «Полис», 1994. 161 с.
7. *Мизес, Л.Ф.* Антикапиталистическая ментальность / пер. с англ. Б. Пинскер; науч. ред. Р. Левит. 2-ое изд. Нью-Йорк: Телекс, 1992. 78 с.
8. *Осокина, Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: Изд-во Московского государственного открытого университета, 1993. 144 с.
9. *Осокина, Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. 271 с.
10. *Осокина, Е.А.* Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 16–32.
11. *Осокина, Е.А.* Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей // *Вопросы истории*. 1996. № 1. URL: <https://www.hse.ru/data/2009/12/08/1230493746/> (дата обращения: 29.10.2020).
12. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края) Ф Р-3789. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
13. ГАСК Ф. Р-3788. Оп. 1. Д. 108. Л. 105.
14. ГАСК Ф. Р-3788. Оп. 1. Д. 120 Л. 1.

15. ГАСК Ф. Р-2641. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
16. ГАСК Ф. Р-2034. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.
17. ГАСК Ф. Р-2034. Оп. 1. Д. 54. Л. 18-21.
18. ГАСК Ф. Р-2034. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
19. ГАСК Ф. Р-4429. Оп. 1. Д. 34. Л. 112
20. ГАСК Ф. Р-2641. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
21. ГАСК Ф. Р-3788. Оп. 1. Д. 135. Л. 98.
22. ГАСК Ф. Р-3788. Оп. 1. Д. 82. Л. 13-15.

REFERENCE

1. Ficpatrik Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Socialnaja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod.* Moscow, "Rosspjen", 2001, 336 p. (in Russian)
2. ГАСК (Gosudarstvennyj arhiv Stavropolskogo kraja) F. R-3789. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
3. ГАСК F. R-2034. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.
4. ГАСК F. R-2034. Оп. 1. Д. 54. Л. 18-21.
5. ГАСК F. R-2034. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
6. ГАСК F. R-2641. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
7. ГАСК F. R-2641. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
8. ГАСК F. R-3788. Оп. 1. Д. 108. Л. 105.
9. ГАСК F. R-3788. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.
10. ГАСК F. R-3788. Оп. 1. Д. 135. Л. 98.
11. ГАСК F. R-3788. Оп. 1. Д. 82. Л. 13–15.
12. ГАСК F. R-4429. Оп. 1. Д. 34. Л. 112.
13. Grossman G. The "Second Economy" of the USSR, *Problems of Communism*, 1977, Sept. Oct., pp. 25–40.
14. Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953.* Princeton, N.J., Princeton University Press, 2004, 366 p.
15. Holms L. *Socialnaja istorija Rossii: 1917–1941.* Rostov-on-Don, "Polis", 1994, 161 p. (in Russian).
16. Kornai Ja. *Deficit.* Moscow, Nauka, 1990, 607 p. (in Russian)
17. Mizes L.F. *Antikapitalisticheskaja mentalnost*, per. s angl. B. Pinsker, nauch. red. R. Levit. New-York, Teleks, 1992, 78 p. (in Russian)
18. Osokina E.A. *Ierarhija potreblenija. O zhizni ljudej v uslovijah stalinskogo snabzhenija, 1928–1935 gg.* Moscow, Izdatelstvovo Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta, 1993, 144 p. (in Russian)
19. Osokina E.A. *Krizis snabzhenija 1939–1941 gg. v pismah sovetskih lyudej, Voprosy istorii*, 1996, No. 1, available at: <https://www.hse.ru/data/2009/12/08/1230493746/> (accessed: 29.10.2020). (in Russian)
20. Osokina E.A. *Ljudi i vlast v uslovijah krizisa snabzhenija 1939–1941 gg., Otechestvennaja istorija*, 1995, No. 3, pp. 16–32. (in Russian)
21. Osokina E.A. *Za fasadom "stalinskogo izobilija": raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenija v gody industrializacii: 1927–1941.* Moscow, ROSSPEN, 1997, 271 p. (in Russian)
22. *Tenevaja ekonomika po dannym Rosstat*, available at: <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika/#i> (accessed: 29.10.2020).

Ногина Елена Владимировна, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, средняя образовательная школа № 39, г. Ставрополь, elen123nogina@yandex.ru

Nogina E.V., PhD in History, Teacher of History and Social Studies, School No. 39, Stavropol, elen123nogina@yandex.ru

Ушмаева Ксения Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра административного права и административной деятельности, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, serovenientibus@yandex.ru

Ushmaeva K.A., ScD in History, Associate Professor, Professor, Administrative Law and Administrative Activity Department, Stavropol Branch, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, serovenientibus@yandex.ru